

Наверное, он тоже чувствовал страх и тревогу, столкнувшись с этими зомби, иначе он не ушёл бы так постыдно, только когда все зомби покинули поле боя.

Когда он увидел, как Гао Бай падает, Цзян Яо почувствовал, как его сердце сжалось. Он не медлил ни секунды, сразу же подхватил его на руки, и только когда он действительно почувствовал его в своих объятиях, он смог выдохнуть с облегчением.

Затем его охватило беспокойство. Он волновался, всё ли с ним в порядке, каково его состояние, и, не думая ни о чём другом, он понёс его прочь.

Как только они скрылись от глаз людей, первое, что он сделал, — проверил его состояние. Увидев, что он, похоже, просто упал в обморок от усталости, он успокоился.

Паника, которую он почувствовал, когда увидел, как он падает, была слишком яркой. За исключением семьи, он никогда так не заботился о ком-то, никогда не боялся потерять кого-то. Гао Бай был первым, и он чувствовал, что он будет единственным.

Ни у кого больше не будет такой связи, как у них. Никто больше не вызовет в нём таких чувств. Появление Гао Бая было как протянутая в темноте верёвка, за которую он ухватился, постепенно обретая покой.

Сначала Гао Бай был для него отцом — добрым, высоким, терпеливым и заботливым, обеспечивающим его едой и одеждой, любящим и сопровождающим его. В мире, полном зомби, он дал ему, потерявшему все воспоминания, чувство безопасности. Даже когда он позже узнал, что он тоже зомби, он не испытывал к нему никакого отвращения, потому что этот человек уже стал тем, кому он мог доверять полностью.

Позже, когда первые смутные чувства прошли, он сражался бок о бок с этим человеком, рос вместе с ним. Образ отца, который он создал в своём сознании, был разрушен самим Гао Баем. Иногда этот взрослый человек нуждался в его заботе, что вызывало смешанные чувства, но он никогда не испытывал нетерпения. Он только чувствовал, что такой Гао Бай стал ближе, реальнее, и ему нравилось это чувство, когда они стояли рядом, а не когда его воспринимали как ребёнка.

Когда он достиг четвёртого порядка и разрушил невидимую преграду, вернувшись к своему настоящему облику, он хотел продолжать скрывать это от Гао Бая, но внутри него кричала мысль — он хотел, чтобы он принял его настоящего.

Он был Цзян Яо, а не просто тем «пирожком», которого он подобрал, ничего не знающим. Он был настоящим человеком, Цзян Яо.

В тот период, когда он отдалился, он испытывал смешанные чувства, но его цель — завоевать его признание, снова увидеть его улыбку, полную доверия, и быть рядом с ним — никогда не менялась.

Он даже перестал понимать свои чувства, но он знал, что хочет, чтобы этот человек был рядом, чтобы он смотрел только на него, чтобы он всегда зависел от него и доверял ему, так же, как он сам делал это для него.

Цзян Яо был человеком, который, приняв решение, всегда доводил его до конца, но он тоже мог сомневаться.

Мысли, которые он раньше игнорировал, всплыли на поверхность с появлением Гао Цинъяна,

ожидая определённого ответа.

Когда он подумал об отъезде, первой мыслью было взять Гао Бая с собой. Даже сейчас он не спрашивал, пойдёт ли Гао Бай с ним. Он просто не рассматривал другой вариант.

Он прекрасно понимал, что это не было привязанностью, вызванной его первоначальным детским восхищением. Он не просто не хотел расставаться с Гао Баем. Это была не просто ностальгия, которая в итоге всё равно привела бы к разлуке. Дети вырастают и уходят от родителей, но он знал, что это не так. Он хотел всегда держать Гао Бая при себе, и это было не просто нежелание расставаться, но и чувство собственности.

Он знал, что Гао Бай помогал Ань Нин лишь из-за случайной встречи, но ему не нравилось это чувство. Если бы Гао Бай действительно взял её под свою опеку, он бы обязательно выгнал её из их мира. Никто не мог посягать на его территорию. К счастью, Гао Бай сам передал её другим, что улучшило его настроение, и именно тогда он начал осознавать свою сильную потребность владеть Гао Баем.

Если бы кто-то попытался разделить внимание Гао Бая с ним, раньше он бы просто обнял его ноги и спросил со слезами на глазах: «Ты меня больше не любишь?» Но теперь, в такой ситуации, он бы просто тихо устранил угрозу.

Он знал, что с ним что-то не так, что его чувства, казалось, сбились с пути. Он никогда не думал, что когда-нибудь почувствует такую сильную привязанность к кому-то, да ещё и к мужчине. Но, думая о том, что этим человеком был Гао Бай, он совсем не хотел сопротивляться.

Левой рукой он держал Гао Бая, а правой машинально коснулся его бледного лица. Это был мужчина, но он незаметно начал влиять на его эмоции, на его радость и печаль.

Его пальцы, блуждающие без цели, внезапно коснулись мягких губ Гао Бая. Он остановился, затем убрал руку и внимательно посмотрел на свои пальцы, прежде чем перевести взгляд на слегка бледные губы. Не долго думая, Цзян Яо улыбнулся, наклонился и мягко коснулся губ, которые так мягко ощущались под его пальцами.

Легкое прикосновение, и он выпрямился, улыбка на его лице стала шире.

Действительно, он совсем не чувствовал отвращения. Наоборот, ему это очень нравилось.

Затем Цзян Яо усмехнулся, вспомнив что-то, и его глаза блеснули от удовольствия. Ведь он много раз видел, как этот парень смотрел на него с явным интересом...

Каждый раз, когда он замечал это, тот либо отводил взгляд, либо спокойно говорил, что голоден...

Теперь, вспоминая это, он думал, что, возможно, он не единственный, у кого были странные мысли.

Он слегка ущипнул щеку Гао Бая, наблюдая, как он спит, ничего не замечая, и на его лице появился лёгкий румянец. Цзян Яо улыбнулся с хитринкой. Этот человек обязательно будет его!

Гао Бай проспал целый день. Цзян Яо не имел доступа к пространству, поэтому не мог поместить его туда, и оставался рядом с кроватью, не отходя ни на шаг. Ну и, конечно, не

упускал возможности потискать его.

Братья Линь заходили один раз, но Цзян Яо не ответил, притворившись, что дома никого нет. Он не хотел объяснять ситуацию посторонним. Он уже решил: как только Гао Бай проснётся, они сразу же уедут!

Что касается семьи Линь, он оставит им записку.

Он был уверен, что, если бы Гао Бай выбирал между ним и семьёй Линь, он без колебаний выбрал бы его. Гао Бай говорил, что им достаточно друг друга — хотя это было сказано «пирожку».

Если Гао Бай не любил город Б, это не проблема. Раньше он не хотел туда ехать, потому что там была ненавистная ему семья Гао. Теперь он возвращался туда из-за семьи Цзян, и это не имело никакого отношения к семье Гао!

Цзян Яо с оптимизмом думал об этом, сидя у кровати и наблюдая, как ногти Гао Бая из фиолетово-чёрных становятся нормального розового цвета, а на его лице появляется румянец. Он буквально ждал, когда Гао Бай откроет глаза, чтобы сразу же отправиться домой.

Что касается того, примет ли его дедушка, это вообще не волновало его. Старик не мог ему указывать, и, когда он приведёт Гао Бая, он просто представит его — и это уже будет вежливостью с его стороны. А уж признавать его или нет — это уже слишком!

Хотя перед смертью он думал, что, если у него будет шанс снова увидеть старика, он будет относиться к нему лучше, слушаться его, но их многолетние отношения никогда не были такими, чтобы дедушка говорил, а внук послушно выполнял. Хотя Цзян Яо так думал, он всё же считал, что упрямый старик, вероятно, согласится. У него был непростой характер, но он не был старомодным и никогда не подавлял его. Кроме того... он был единственным внуком, и старик всегда баловал его. А что касается наследников, разве ещё не родившийся ребёнок мог сравниться с живым внуком? Он верил, что старик не был настолько консервативным.

Хотя он не знал, сможет ли старик быть настолько великодушным, чтобы принять тот факт, что Гао Бай не только мужчина, но и зомби...

Цзян Яо, слегка ущипнув длинные пальцы Гао Бая, с хитрой улыбкой представил, как может отреагировать старик.

<http://bllate.org/book/16355/1478782>